

Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»?

И.С. КУЗНЕЦОВ, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск. E-mail: ivan-kuz@list.ru

Аннотация. Автор анализирует сложные страницы истории советской науки на примере новосибирского Академгородка. Характеризуются взаимоотношения научного сообщества и правящих структур, рассматриваются властные отношения в организации научной деятельности. Подчеркивается, что в создании и развитии Города науки в Сибири с наибольшей полнотой реализовался позитивный потенциал существовавшей в то время в нашей стране общественной системы. Речь идет, прежде всего, о возможности максимальной концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития. Вместе с тем в истории Академгородка ярко проявились многие противоречия системы «государственного социализма» – диктат властных инстанций, иерархизм и бюрократизм.

Ключевые слова: Академия наук СССР/РАН; власть; наука; новосибирский Академгородок; Сибирское отделение АН СССР/РАН

Реализация правительственного проекта реформирования РАН активизировала интерес не только к современному состоянию Академии, но и к ее истории. В ходе развернувшихся острых дискуссий о ее судьбе высказываются порой полярные оценки. Сторонники радикальной трансформации РАН говорят о ее неререформируемости, неэффективности, бюрократизме и консерватизме, которые, по их мнению, были издавна присущи этой структуре. В свою очередь противники реформы подчеркивают позитивные стороны Академии и ее заслуги в решении стоявших перед страной экономических и оборонных задач, обострившиеся же проблемы отечественной науки объясняют недостаточной государственной поддержкой, а не внутренним состоянием академического сообщества. И все же в целом РАН признается эффективной структурой, требующей, в сущности, лишь «косметического ремонта».

Чтобы объективно оценить современное положение Академии и исторические корни ее нынешних проблем, требуется фундаментальный анализ. В этой же публикации предполагается обратиться лишь к некоторым страницам истории Сибирского отделения АН СССР/РАН, которое позиционирует себя как самый успешный на данный момент кластер Академии и какое-то время

именно оно наиболее активно выступало против начавшейся реформы. Это тем более актуально, что с момента своего создания в 1957 г. СО АН и новосибирский Академгородок были своего рода яркими, советскими брендами, – где-то рядом с первым спутником, полетом Ю. А. Гагарина и т.п. И при упоминании сибирского Города науки нередко всплывают в памяти привычные формулы о «республике ученых», «оазисе свободы» и т.п.

В задачу автора, разумеется, не входит опровержение этих штампов, – лишь напоминание о сложной истории отечественной науки в контексте истории страны, анализ исторического опыта, выявление связи современных проблем с предшествующими процессами.

Имеющиеся публикации об истории СО АН СССР/РАН несут печать вполне объяснимой апологетики, что особенно проявилось в работах, появившихся к 50-летию Сибирского отделения. Речь идет о наиболее обстоятельном труде на эту тему – «Историческом очерке» [Российская академия..., 2007]. Хотя и не столь тенденциозны, но также не свободны от апологетических штампов и наиболее содержательные монографии по истории СО АН СССР / РАН [Артемов, 2006].

Между тем еще в предшествующие годы имели место попытки более всесторонне, в том числе критически оценить опыт новосибирского Академгородка. Одним из первых и наиболее ярких примеров такого подхода стала книга М. А. Поповского¹ «Управляемая наука» [Поповский, 1978].

По оценке автора, создание в СССР научных городков имело лишь кратковременный позитивный эффект, а затем все худшие черты административно-командной системы воспроизвелись в них в наиболее законченном виде: «В городках науки исследователь еще более зависим от администрации, чем в Москве, Ленинграде или Киеве; проявление личной или общественной инициативы там еще менее возможно, чем в больших городах; общественное мнение доведено до нулевой отметки, личностный характер в науке полностью отсутствует. Иными словами,

---

¹ М. А. Поповский был одним из наиболее известных в СССР журналистов по проблемам науки. За свои острые публикации он подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать. В постсоветский период вызвал резонанс ряд его новых произведений, в особенности книга «Житие Войно-Ясенецкого – епископа и хирурга».

советская наука в научном городке более управляема, чем где бы то ни было в другом месте» [Поповский, 1978].

В постсоветский период принципиально прорывной в исследовании интересующей нас темы стала монография Пола Джозефсона «Возвращение новой Атлантиды: Академгородок – сибирский город науки» [Josephson, 1999]. Названный историк в момент выхода книги был профессором Принстонского университета (США), автором ряда работ по истории российской науки.

В своем исследовании он попытался комплексно рассмотреть историю новосибирского Академгородка, опираясь на широкую источниковую базу. В работе использованы материалы из тогдашнего Партийного архива Новосибирской области (сейчас они переданы в ГАНО), документы научно-организационных структур; ценнейшая часть книги – интервью участников событий. При этом немалое внимание автор уделяет конкретным личностям, дает развернутые биографические характеристики многих ученых.

Наиболее новаторский характер носит заключительная – седьмая глава книги под названием «Сопrotивление: Коммунистическая партия и академическая свобода в Академгородке». В ней прослеживаются основные черты и особенности общественно-политической жизни городка.

Однако в полной мере реализовать декларированную исследовательскую программу автору не удалось: из семи глав книги пять посвящены отдельным научным дисциплинам – ядерной физике, биологии, кибернетике, экологии, экономике и др. (в совокупности – это 240 с. из 350). Интересующая нас проблематика в рассматриваемом труде, как и в большинстве работ других авторов, является лишь некоторым сегментом в более широком предметном поле исследования. При этом бросается в глаза весьма избирательная характеристика основных направлений научной деятельности: скажем, в книге не рассматриваются геологические, химические и гуманитарные исследования, причем такое ограничение никак не мотивируется.

Своеобразное введение, отсутствие привычных для нас разделов историографии, методологии и источниковедения в какой-то мере делают книгу больше похожей на публицистическую работу, нежели на научную монографию, несмотря на обширность

использованного материала и наличие научно-справочного аппарата. Труднообъяснимо отсутствие в ней важнейшего источника – мемуарных публикаций М. А. Лаврентьева. Определенные вопросы вызывает и широко использованная устная информация: не всегда ясно, насколько приводимые суждения ветеранов Академгородка, сотрудников его НИИ носят репрезентативный характер.

Несмотря на то, что с момента публикации монографии прошло почти полтора десятилетия, а со времени ее подготовки – около 20 лет, по целому ряду параметров этот труд не утратил своего значения и заслуживает более активного введения в научный оборот с учетом того, что до сих пор он не издан на русском языке².

Как утверждает П. Джозефсон, репрессивные меры, особенно после событий 1968 г.,³ и усиление идеологического контроля имели далеко идущие последствия для Академгородка: «Привлечь талантливых молодых людей в Сибирь становилось все сложнее, и теперь, когда общественные клубы были закрыты, воодушевление, которое несло старшее поколение в первые тяжелые годы, ушло, уступив место ощущению того, что Академгородок не отличается от остальной России».

Автор подчеркивает: «Утопия, задуманная учеными, стала жертвой условий, существовавших в стране. Дело подписантов возбудило гнев партии на все необычное, что было в Академгородке. Партийный аппарат бдительно искоренял идеологические отклонения. Общественные клубы были закрыты. Голоса бардов затихли. Картины сняты со стен. Совет молодых ученых, общественные клубы, круглый стол Института ядерной физики, <...> оставались теперь только символами. Атмосфера Академгородка становилась серой, однообразной, лишенной оригинальности. В результате этого “до прихода горбачевской гласности Академгородок становился все более схож с остальными городами Советской империи”».

---

² Дальнейшая работа названного автора по изучению истории новосибирского Академгородка нашла отражение в его статье к 50-летию СО РАН.

³ В начале 1968 г. 46 сотрудников СО РАН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения гласности в процессе над московскими «диссидентами», выступившими против введения войск в Чехословакию. Это спровоцировало массированную политическую кампанию во всех учреждениях СО РАН, направленную на осуждение «подписантов».

В книге отмечается, что негативным изменениям в жизни городка способствовало и ухудшение его социально-бытовой среды, прежде всего обострение «жилищного вопроса».

Помимо социальных и политико-идеологических факторов, П. Джозефсон отмечает в жизни Академгородка еще ряд негативных тенденций: «Творческий импульс Лаврентьева также прошел. Ученые больше не нуждались в перемещении в Сибирь для развития новых исследовательских программ. Установки для столкновения лучей, генетика и математические модели стали стандартны...».

Подводя безрадостные итоги этих процессов, автор еще раз подчеркивает, что решающую роль в негативном изменении облика Академгородка сыграло усиление официального вмешательства в его жизнь: «Зависимость от государства подорвала фундаментальную основу исследований – самую сильную черту Академгородка. Парадоксально, чем больше государство требовало, чтобы Академгородок посвятил себя развитию национальных программ, тем большее сходство его институты приобретали в сравнении с институтами остального СССР и все меньшее воздействие оказывали на производственный процесс».

В какой мере приведенные характеристики соответствуют историческим реалиям? Оценивая исторический опыт Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка, следует прежде всего подчеркнуть, что их создание, бесспорно, стало одним из наиболее значимых и плодотворных событий послесталинской «оттепели». Это была небывалая новация не только в организации науки, но и в социальном развитии региона и страны в целом. Впервые в России, а возможно, и в мире появился «Город будущего», граждане которого жили в гармонии с природой, в достойной бытовой среде, в атмосфере творческого труда и гуманизма. Ветераны Академгородка не устают предаваться ностальгическим воспоминаниям о временах своей юности, когда здесь царил дух энтузиазма, научные споры велись не только в лабораториях, но и на лесных тропинках, в дружеских застольях. Было всеобщее убеждение, что эта атмосфера вдохновенного научного поиска и небывало благоприятные условия для синтеза различных наук в самое ближайшее время приведут к решающим прорывам. Например,

станет реальностью термоядерная энергетика, будут решены самые сложные экономические и социальные проблемы.

Однако город науки с самого начала не был свободен от «наследия прошлого». Одним из ярких выражений этого стало использование при строительстве нового научного центра принудительного труда. Известно, что он широко продолжал применяться и в послесталинской экономике, особенно в сфере строительства, когда любая крупная строительная площадка, даже в центре большого города, была обнесена колючей проволокой, поскольку здесь работали «зэки».

Строительство Академгородка, из-за целого комплекса причин, разворачивалось с большим трудом [Кузнецов, 2007], поэтому уже в первые месяцы было выдвинуто предложение об использовании здесь военно-строительных частей и заключенных. Конечно, подлинные масштабы их применения можно определить только по архивам соответствующих силовых ведомств, однако они исследователям недоступны. Судя же по отдельным, «глухим» упоминаниям в доступных нам документах, например, в постановлении Совета Министров СССР от 4 декабря 1957 г.,⁴ число заключенных на строительстве Академгородка достигало нескольких тысяч⁵. Лишь на исходе второго года строительства нахождение «лагпункта» на территории Академгородка («верхней зоны») было признано неуместным, – его перевели в поселок строителей (микрорайон «Щ»).

Весной 1959 г. Министерство финансов РСФСР провело детальную ревизию финансово-хозяйственной деятельности СО АН, в ходе которой были выявлены серьезные промахи в строительстве Академгородка. В том числе было отмечено: «На строительство лагпункта с 1957 г. израсходовано свыше 9 млн руб., затраты продолжаются, в то время как нахождение лагпункта на территории городка морально нецелесообразно»⁶.

Судьбоносной вехой в строительстве Академгородка стало постановление Совета Министров СССР от 14 мая 1959 г. «О возложении на Министерство среднего машиностроения строительства Новосибирского научного городка СО АН СССР», в соответствии с которым была создана строительная

⁴ Научный архив СО РАН (далее НАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 59–60.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 37. Д. 14. Л. 49–54.

⁶ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 93. Л. 78.

организация «почтовый ящик 111» («Сибкакадемстрой»). Напомним, что так называемый «Минсредмаш» (впоследствии – Минатом) был одной из наиболее могущественных структур ВПК, располагавших немалыми материальными и людскими ресурсами, включая «спецконтингент», что, разумеется, не могло не сказаться на ходе строительства Академгородка.

Однако нельзя забывать, что передача строительства Города науки этому военно-лагерному ведомству, помимо определенной практической целесообразности, означала и отказ от «нормальных» методов хозяйствования, возвращение к сталинским традициям. К этому стоит добавить, что и система «спецснабжения» Академгородка с 1960 г. также подчинялась «Средмашу.

«Гулаговские традиции» давали о себе знать и в последующей повседневной жизни сибирского Города науки, на что обращается внимание в одной из первых дискуссионных публикаций о Новосибирском научном центре. Среди факторов негативной трансформации сибирского Города науки ее авторы отмечают насыщение его отставными сотрудниками спецслужб и диктат «Сибкакадемстроя», что, по их выражению, привносило в жизнь Академгородка «нравы расконвоированной зоны» [Дорошенко и др., 2002].

Внимательный взгляд обнаруживает черты «сталинской модели» и в социально-бытовой сфере Академгородка. Яркой чертой повседневной жизни нового научного центра явилась высокодифференцированная система привилегий, особенно резко – в жилье, продовольственном снабжении (отдельные «столы заказов» для рядового населения «верхней зоны» и для «верхов» – начиная с докторов наук), медицинском обслуживании («докторский» диспансер и обычная поликлиника) и т.д.

Известный социолог В. Н. Шубкин так охарактеризовал особенности социальной жизни научного центра: «Академгородок, его строительство и организация жизни довольно точно отражали менталитет ВПК и партийных функционеров. Прежде всего – огромная дифференциация. Это не была дифференциация органически выросшая, которая создавалась столетиями, как в Геттингене и других научных европейских городках. Нет, она закладывалась еще при строительстве и в этом смысле отражала представления тех, кто командовал строителями, как нужно организовывать науку в тоталитарном государстве.

В глаза бросались коттеджи. Их получали академики без учета состава семьи (один академик мог получить двухэтажный коттедж с огромным количеством комнат и специальной обслугой). Пол-коттеджа выделялось членам-корреспондентам, иногда докторам. Основная масса ученых (старшие научные сотрудники, кандидаты наук) жила в обычных домах с трехметровым потолком и раздельным санузлом. В Академгородке был участок, целиком застроенный пятиэтажками, “хрущобами”, который здесь иронически называли “Гарлем” (низкие комнаты, совмещенные санузлы и т.п.). Они предназначались для младших научных сотрудников, лаборантов, инженеров» [Российская социология., 1999].

Из числа самих обладателей привилегий, видимо, мало кто задумывался над их обоснованностью. Среди немногих инакомыслящих была Р.Л. Берг, которая демонстративно отказалась от пользования докторским «столом заказов». Раиса Львовна Берг, известный генетик, доктор биологических наук, работала в Институте цитологии и генетики СО АН (ИЦИГ) и была «выдавлена» из Академгородка после знаменитого «письма сорока шести» (возможно, она была одним из авторов этого документа). Ее мемуары «Суховой» впервые были изданы в 1983 г. после эмиграции в США. В этой книге она вспоминала: «Защитив диссертацию и став доктором наук, я попала в категорию привилегированных, стала худшей среди лучших. Особое снабжение полагалось докторам, членам-корреспондентам и академикам. Особый продуктовый магазин, особый магазин промышленных товаров, поликлиника высшего типа <...>. Жилье распределяется по чинам, и разница между коттеджами академиков, коттеджами членов-корреспондентов, квартирами докторов наук и жильем прочих грандиозна...» [Берг, 2003].

«Сталинское наследие» в строительстве Академгородка и в его социально-бытовой сфере представляет собой исторический феномен, что называется, лежащий на поверхности. Гораздо интереснее и вместе с тем сложнее раскрыть суть взаимоотношений «науки и власти». Причем не только в аспекте научного сообщества и правящих кругов (этот сюжет в той или иной мере затронут в литературе), но и с точки зрения властных отношений в самой науке.

Специфика ситуации в советскую эпоху определялась сильной зависимостью научного сообщества от властных структур, которая имела патерналистский и одновременно репрессивный характер. При этом контроль и диктат со стороны партийно-административных инстанций дополнялись внутри самого академического сообщества огромной властью «научных князей». Сложное сочетание этих разнонаправленных векторов рельефно прослеживается с момента становления сибирского Города науки.

Хорошо известно, что создание Сибирского отделения Академии наук стало возможным лишь в результате личной поддержки со стороны Н.С. Хрущева. С известной долей условности инициатора проекта М.А. Лаврентьева можно назвать его фаворитом. Однако эта относительная близость к высшей власти имела свою оборотную сторону даже в самые благоприятные годы их альянса. Напомним, что в 1959 г. Н.С. Хрущев обрушился с резкими нападками на М.А. Лаврентьева за поддержку «вейсманистов-морганистов» и принудил его снять член.-корр. Н.П. Дубинина с поста директора ИЦИГ. Тогда же последовал «высочайший запрет» на строительство в Академгородке высотных домов, что, несомненно, ускорило наступление в нем жилищного кризиса.

В свою очередь, издержки необъятной власти в самом научном сообществе наиболее ярко проявились в судьбе академика С.А. Христиановича. Сергей Алексеевич Христианович (1908–2000) являлся одним из ведущих теоретиков аэрокосмической техники, за что и был награжден шестью орденами Ленина (!). В 1945 г. он рассматривался как один из кандидатов на пост президента АН СССР. В 1958–1961 гг. был первым заместителем председателя Президиума СО АН и непосредственно курировал строительство Академгородка. По общему мнению, это был не только великий ученый, но и человек огромной энергии и работоспособности. И вот когда Академгородок превратился из мечты в реальность, этот энтузиаст получил тяжелейший, непоправимый удар.

В марте 1961 г. райком КПСС объявил С.А. Христиановичу строгий выговор с занесением в учетную карточку «за аморальное поведение и нарушение партийной этики, выразившееся в оставлении семьи». В соответствии с тогдашними «правилами

игры» это послужило основанием для снятия его в мае того же года с поста первого зампреда. До 1965 г. он продолжал оставаться директором созданного им Института теоретической и прикладной механики СО АН (ИТПМ), а затем вернулся в Москву, где уже не занимал видных должностей.

Долгое время роль С. А. Христиановича в создании Сибирского отделения замалчивалась, и до сих пор вся подоплека этой тяжелой коллизии содержит немало «белых пятен». Иногда по данному поводу высказываются упрощенные, порой наивные суждения, что прослеживается даже в самой фундаментальной работе о С. А. Христиановиче, подготовленной сотрудниками Центрального аэрогидродинамического института им. Н. Е. Жуковского (ЦАГИ) [Академик..., 2008].

Обстоятельства личной жизни С. А. Христиановича были лишь поводом для прессинга, в то время как существовали более глубокие предпосылки для конфликта М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в условиях такой концентрации власти, которая была в Академии наук и ее Сибирском отделении, описанный тяжелый исход конфликта двух научных лидеров, видимо, был предreshен.

Сама по себе расправа с выдающимся ученым и организатором науки, как представляется, имела не только персональное измерение. Она обнажила реальные отношения в научном сообществе и, без сомнения, имела негативные последствия для его моральной атмосферы. Судя по свидетельствам ветеранов Академгородка, в последние годы пребывания на сибирской земле С. А. Христианович превратился в «изгоя», с которым даже здороваться боялись.

Однако тяжелые последствия произвола этим не ограничивались. Как это часто бывало в истории советской науки, падение лидера означало гибель его дела. Напомним, что в период работы в Академгородке С. А. Христианович начал осуществлять, быть может, самый значительный в истории СО АН инновационный проект: разработку парогазовых установок (ПГУ), которые в перспективе могли обеспечить революцию в тепловой энергетике. В настоящее время применение ПГУ – одно из приоритетных направлений мировой энергетической политики, по свидетельству одного из наиболее известных авторитетов в этой сфере, – академика РАН А. Е. Шейндлина [Шейндлин, 2006].

После низвержения С.А. Христиановича опытные модели ПГУ были уничтожены, соответствующие исследования прекращены, что, безусловно, негативно отразилось на развитии отечественной энергетики.

Впервые об этом с необычной откровенностью было поведаано в книге, подготовленной в ИТПМ [Институт., 2000]. Так, один из ведущих научных сотрудников этого НИИ вспоминал: «Вскоре начался демонтаж стенда. <...> Все это казалось театром абсурда. Строить стенд около шести лет, затратить огромные средства, и вот, не получив, по существу, ни одного результата, разрушить. Причем просто по прихоти, капризу нескольких высокопоставленных вельмож! В сооружении стенда участвовали почти все предприятия в стране по выпуску приборов теплотехнического контроля. Разбирая документацию, я видел товарные накладные с красной полосой по диагонали и надписью: “Важнейшая стройка пятилетки”». Как вспоминает этот ветеран, в ярости и отчаянии он поместил в стенгазету стихотворение на эту тему, после чего ему пригрозили на заседании дирекции института: «За это можно угодить и в места не столь отдаленные».

Другой ветеран ИТПМ размышляет о фундаментальных причинах такого поворота событий: «Мне кажется, что главное здесь заключалось в косности существовавшей тогда общественной системы, которая не поощряла, а наказывала инициативу. Исключения, вроде ядерной или ракетной программ, имели место не из экономических соображений, а под действием мощного силового и политического давления. В нашем случае такого воздействия не было...». Разумеется, в общем плане приведенные соображения правомерны, однако конкретные причины прекращения работ над ПГУ в немалой степени были обусловлены властными отношениями в академической науке.

Схожая судьба постигла второй крупнейший инновационный проект в истории Новосибирского научного центра. Возглавивший в 1966 г. ИТПМ академик В.В. Струминский сформулировал программу создания в районе Академгородка мощного центра аэрокосмических исследований. После принятия в 1967 г. по данному поводу постановления ЦК КПСС и Совета Министров этот проект начал осуществляться, в том числе сооружались гигантские аэродинамические трубы. Их «скелеты» до сих пор можно видеть в окрестностях Академгородка.

Однако в 1970 г. комиссия Президиума АН СССР признала «нецелесообразным развитие экспериментальной базы института Академии наук по пути создания крупных и дорогостоящих аэродинамических труб, предназначенных для обслуживания промышленности». В свою очередь руководство СО АН вполне поддержало этот вывод с беспрецедентной формулировкой, что «не считает целесообразным использовать полученное от правительства разрешение на создание упомянутой базы»⁷. В 1971 г. В. В. Струминский был смещен со своего поста, проект свернули, а дорогостоящие установки, как и в предшествующем случае, уничтожили.

Долгое время эти тяжелые коллизии, как и многие другие сложные страницы истории Академгородка, замалчивались, и лишь в 2000 г. о них было рассказано в упоминавшейся книге по истории ИТПМ. В 2008 г. часть этой информации впервые была обнародована в печатном органе СО РАН – газете «Наука в Сибири». Проект Струминского характеризовался в ней следующим образом: «Это позволяло обеспечить исследования космических возвращаемых аппаратов на всех этапах выхода в космос, полета к другим планетам и пилотируемого возвращения на землю. <...> В решении различных проблем длительного пребывания человека в пилотируемых космических полетах могли участвовать почти все научные институты СО АН СССР. <...> В принципе могла возникнуть новая отрасль промышленности, связанная с созданием возвращаемых космических летательных аппаратов. Советский район мог стать полноправным наукоградом в этой области, с соответствующим финансированием»⁸.

В цитированной публикации негативное отношение руководства СО АН к проекту Струминского объясняется тем, что «это шло вразрез с идеологией создания научного центра как центра фундаментальных исследований». Данная версия может быть принята лишь отчасти. В этой связи следует напомнить, что как раз в то время М. А. Лаврентьев предпринимал огромные усилия по созданию так называемого «пояса внедрения» в виде «КБ двойного подчинения». Так что в принципе ориентация

⁷ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 791. Л. 103–103а.

⁸ Советский район мог стать научным центром в освоении космического пространства // Наука в Сибири. 2008. № 17 (24 апр.).

на прикладные результаты не противоречила «идеологии» Новосибирского научного центра.

Можно предположить, что не меньшее, а, быть может, даже большее значение в отказе от проекта «второго ЦАГИ» имели другие мотивы. Во-первых, это опасения, что его реализация поставит Академгородок в гораздо большую зависимость от ВПК с угрозой превращения в закрытый наукоград типа «Арзамаса-16». Во-вторых, это уже знакомая нам проблема соперничества лидеров: понятно, что в случае реализации проекта В.В. Струминский превращался в фигуру, практически независимую от руководства СО АН. Как это могло происходить, вполне явствовало из опыта самого крупного НИИ Академгородка – Института ядерной физики (ИЯФ). К данному моменту он фактически превратился в «государство в государстве», а между М.А. Лаврентьевым и директором ИЯФ академиком Г.И. Будкером развернулась своего рода «холодная война».

В последующие годы такого рода крайние примеры блокирования инновационных проектов в истории Академгородка не прослеживаются, поскольку инициативы аналогичного значения уже и не выдвигались, однако в меньших масштабах эта тенденция проявлялась постоянно.

Как известно, после низвержения главного покровителя «сибирской Академии» – Н.С. Хрущева происходит неуклонное ослабление позиций М.А. Лаврентьева в правящих кругах. Шаг за шагом усиливается контроль партийных органов и КГБ за жизнью Академгородка, подавляется его относительная независимость. Все это происходило на фоне нарастающих в стране консервативных тенденций и негативно отражалось на инновационном потенциале научного центра.

Одним из наиболее ярких проявлений данного процесса было удушение знаменитого научно-производственного объединения «Факел». Созданная в 1966 г. «при Советском райкоме ВЛКСМ», эта структура превратилась в мощную организацию, где молодежь Академгородка успешно занималась внедрением научных достижений в производство. Не беря ни копейки из государственного бюджета и обходясь без бюрократического аппарата, «Факел» зарабатывал немалые по тем временам деньги, что позволяло молодым ученым не только улучшать свое материальное положение, но и добиваться экономической самостоятельности,

в том числе и независимости от академической бюрократии. Мало того, «Факел» стал щедрым спонсором многообразной общественно-культурной жизни Городка, которая во второй половине 1960-х гг. достигла невиданной активности. Можно сказать, что именно в Академгородке того периода прослеживался уникальный для России процесс зарождения элементов гражданского общества, включающего в качестве неотъемлемых его детерминант экономическую независимость и общественную активность.

Не удивительно, что такого рода процесс вызвал растущее противодействие бюрократии, начиная от районных и областных и кончая московскими инстанциями. В конечном счете «Факел» был «погашен» с помощью финансовых органов: в мае 1970 г. Госбанк РСФСР запретил его финансовые операции. Затем еще около года продолжалась борьба за спасение НПО, которая закончилась в 1971 г. окончательным закрытием этой организации.

Помимо прочего, такой финал свидетельствовал о дальнейшем ослаблении позиций СО АН и М. А. Лаврентьева во властной иерархии. Ведь на протяжении 1970–1971 гг. в различные московские инстанции была адресована целая серия документов за его подписью в защиту «Факела». Кульминацией этой небывалой активности стало обращение к Л. И. Брежневу, направленное в апреле 1971 г. от имени М. А. Лаврентьева и первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф. С. Горячева. Однако все это осталось «гласом вопиющего в пустыне».

В данном случае перспективный инновационный кластер был уничтожен в результате внешнего давления, академическое сообщество здесь предстает в качестве жертвы. Несколько по другому сценарию развивались события в ходе другой острой коллизии – в «деле Войцеховского» (1973), связанном с деятельностью Специального конструкторского бюро гидроимпульсной техники (СКБ ГИТ) под руководством член.-кор. Б. В. Войцеховского.

Богдан Вячеславович Войцеховский был любимым учеником М. А. Лаврентьева, лауреатом Ленинской премии, получившим широчайшую известность благодаря успехам своего СКБ (например, здесь были созданы знаменитые гидромолот и гидропушка). В сущности, по своей роли в практической реализации инновационных разработок и по степени популярности это был «человек № 2» в научном центре после самого президента СО АН.

И вдруг весной 1973 г. разразилась гроза, поводом для которой стала обида М. А. Лаврентьева на своего ученика, тайно собравшегося переехать на Украину к академику Б. Е. Патону. Раздраженный «дед» (так за глаза называли Лаврентьева) поддавался давлению райкома КПСС, который к тому времени был буквально завален жалобами отдельных сотрудников СКБ и фактически «сдал» Войцеховского. 4 мая 1973 г. бюро Советского райкома КПСС приняло постановление, где утверждалось, что проведенной проверкой деятельности СКБ ГИТ «установлены факты грубейших нарушений в соблюдении законов». Речь шла о нецелевом использовании средств, несанкционированном создании ресурсных запасов и т.п. – типичных для советской эпохи реалий «теневой экономики», без которых не обходился ни один успешный хозяйствующий субъект. В итоге партийные органы предписывали прокуратуре и отделу внутренних дел Советского района «провести в пятидневный срок расследование <...> виновных привлечь к уголовной ответственности»⁹.

В тот же день Президиум Сибирского отделения принял решение о снятии Войцеховского с поста начальника СКБ ГИТ. Теперь президент СО АН предпринял титанические усилия по спасению своего фаворита и все же уберег его от уголовного преследования. Тем не менее 17 мая бюро Советского райкома КПСС рассмотрело «персональное дело Войцеховского». Этому было придано такое значение, что даже была составлена развернутая стенограмма данного разбирательства, что обычно не практиковалось, – во всяком случае, в фондах Государственного архива Новосибирской области ничего подобного больше не обнаруживается. Данный текст, пожалуй, как никакой другой источник, с предельной выразительностью характеризует атмосферу того времени в Академгородке, менталитет научной верхушки и партийных функционеров. По итогам разбирательства райком КПСС принял решение об исключении Войцеховского из партии, однако потом горком КПСС заменил это выискание строгим выговором с занесением в учетную карточку¹⁰.

По свидетельствам ветеранов Института гидродинамики, в результате этих репрессий Б. В. Войцеховский был «морально

⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-269. Оп. 10. Д. 170. Л. 25.

¹⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-22. Оп. 24. Д. 24. Л. 36–38.

раздавлен», а СКБ уже никогда не добивалось прежних успехов. Не исключено, что все это имело далеко идущие негативные последствия для научно-технического прогресса в масштабах всей страны. Ведь в начале 1970-х гг. в короткий период был нанесен удар по двум организациям, наиболее успешно занимавшимся инновационной деятельностью – «Факелу» и СКБ ГИТ. Если же вспомнить, что к тому времени фактически сошла на нет «косыгинская реформа» и не был проведен намечавшийся на 1972 г. пленум ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу, то рассмотренные, на первый взгляд, локальные события, правомерно оценивать в более широком историческом контексте.

В весьма редких случаях при наличии заинтересованности правящих кругов складывались более благоприятные условия для инноваций, реализации прорывных технологий. Это можно проследить на примере, пожалуй, самого масштабного и удачного инновационного проекта в истории СО АН СССР/РАН. Речь идет о создании крупнейшего в мире научно-производственного биотехнологического комплекса в пос. Кольцово близ Академгородка. Начало ему положил созданный в 1974 г. Всесоюзный институт молекулярной биологии (ВНИИ МБ) в системе Главного управления микробиологической промышленности при Совете Министров СССР. В 1985 г. на базе ВНИИ МБ было создано научно-производственное объединение «Вектор», которое в 1994 г. получило статус Государственного центра вирусологии и биотехнологии.

Сибирское отделение АН сыграло в становлении нового центра ключевую роль, в том числе в годы становления ВНИИ МБ ему были предоставлены производственные площади в новосибирском Академгородке. Как известно, в 1974–2005 гг. названные научно-производственные структуры возглавлял выдающийся биохимик из СО АН СССР/РАН Лев Степанович Сандахчиев (с 1992 г. – академик).

На примере успешной реализации данного проекта особенно четко прослеживаются факторы, позволившие преодолеть обычные препятствия на пути инноваций – силу инерции, ведомственные барьеры, борьбу научных кланов и т.п. Приоритетную роль здесь, конечно, имели решения высшего руководства страны, продиктованные, в первую очередь, интересами ВПК. Это нашло отражение в целом ряде директивных документов, начиная

с постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве» (1974). Такая заинтересованность, видимо, не в последнюю очередь объяснялась тем, что «Вектор» разрабатывал средства защиты от «биологического оружия». В какой-то мере здесь прослеживается аналогия с атомным и ракетно-космическим проектами.

* * *

Знакомясь со всеми этими неоднозначными фактами, читатель вправе задать резонный вопрос, насколько рассмотренные события относительно далекого прошлого сохраняют актуальность, позволяют понять современную ситуацию в академическом сообществе. Быть может, все рассмотренные противоречивые аспекты академической жизни «канули в Лету» и представляют чисто исторический интерес? Сохранились ли в современной РАН и в ее Сибирском отделении отмеченные черты «научного феодализма», – в том числе иерархия и безграничная власть «начальства»?

По этому поводу высказываются различные мнения. Академическое руководство, в том числе лидеры СО РАН – академики В. А. Коптюг, Н. Л. Добрецов, А. Л. Асеев неоднократно подчеркивали приверженность РАН демократическим ценностям, ее стремление к реформированию при сохранении «лучших традиций». Не раз говорилось о необходимости повышения жизненного уровня ученых, решения жилищной проблемы для научной молодежи и т.д.

Вместе с тем в новосибирском Академгородке среди его рядовых, «нечиновных» обитателей распространено мнение, что в наши дни «научный феодализм» стал еще крепче, а власть «начальства» еще необъятнее. Этому, помимо общей ситуации, способствуют такие факторы, как обострение конкуренции в условиях перманентного дефицита ресурсов и деградация системы социальных гарантий (например, контрактная система). Дает о себе знать и исчезновение даже того своеобразного «разделения властей», которое было в советскую эпоху: тогда всевластие директоров НИИ и других научных начальников хотя бы в какой-то мере корректировалось партийными инстанциями – от райкома

до ЦК КПСС. Сейчас научный работник или преподаватель практически беззащитен перед произволом, во всяком случае, жителям Академгородка не известно ни одного случая отстаивания поправленных интересов, скажем, через суд.

Сложно оценить, насколько отмеченные мнения «низов» являются объективными, – ведь социологических исследований по этому поводу не проводится. Можно лишь делать какие-то выводы на основе наиболее очевидных фактов. Скажем, для Академгородка сейчас критически важная проблема – сохранение его природной среды и обеспечение жильем научной молодежи. И вот в такой ситуации мы наблюдаем, как уничтожаются большие участки леса, и на их месте возводятся «башни», совершенно меняющие облик Городка. С этим, быть может, имело бы смысл примириться, если бы это было жилье для молодежи, – однако строятся-то элитные дома. Население Академгородка не имеет информации о том, кто санкционировал такие действия, какова дальнейшая перспектива этого процесса. Поневоле создается впечатление о полном разрыве в научном сообществе между «верхами» и «низами», отсутствии каких бы то ни было механизмов общественного контроля. И это происходит не в каком-нибудь захолустье, а в «средоточии интеллектуалов», когда-то слышшим «оазисом свободы»...

Подводя итоги этих размышлений, правомерно констатировать, что в истории новосибирского Академгородка в концентрированном виде отразились многие аспекты развития не только отечественной науки, но и российского социума в целом. Можно сказать, что во второй половине XX столетия на берегах Оби был поставлен своего рода исторический эксперимент грандиозного масштаба, результаты которого трудно оценить однозначно. С одной стороны, в эпоху создания и развития Академгородка с наибольшей полнотой реализовался позитивный потенциал существовавшей в то время в нашей стране общественной системы. Речь идет, прежде всего, о возможности максимальной концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития, к которым на определенном этапе относился и научно-образовательный комплекс. Более того, можно предположить, что здесь контуры «нового мира», во имя которого народы нашей страны принесли небывалые жертвы, прослеживались особенно явно. Если на определенном этапе советской эпохи у нас

действительно были какие-то черты социализма, как общества социальной справедливости, основанного на демократических началах, то, быть может, с наибольшей полнотой они обнаружались именно в новосибирском Академгородке...

С другой стороны, в его судьбе проявились и нарастающие противоречия существовавшей системы, особенно показательные именно в условиях грандиозного эксперимента, когда все начиналось с «чистого листа». В «сибирской Атлантиде» были воспроизведены такие характерные параметры сложившейся общественной системы, как государственный патернализм, изолированность от окружающего населения, всевластие «начальства», внутренняя иерархия. Все эти явления в той или иной мере повлияли на менталитет научного сообщества, а сейчас, видимо, затрудняют его адаптацию к современным реалиям...

Литература

Академик С. А. Христианович / Ред.-сост. акад. Г. С. Бюшгенс. М.: Наука, 2008. 439 с.

Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 188 с.

Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 254 с.

Артемов Е. Т. Новосибирский Академгородок и региональные центры СО РАН в контексте академических стратегий и практик (конец 1950-х – первое десятилетие 2000-х гг.): Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2008. С. 184 с.

Артемов Е. Т. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2012. С. 346 с.

Берг Р. Л. Суховой. Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 313.

Водичев Е. Г. Путь на Восток: Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг. Новосибирск: Экор, 1994. 202 с.

Дорошенко В., Коршевер И., Матизен А. Новосибирский научный центр: есть ли стратегическая альтернатива? // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 261.

Институт теоретической и прикладной механики: Годы. Люди. События. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 348 с.

Кузнецов И. С. У истоков Академгородка: Строительство Города науки в Сибири (1957–1964). Монография: НГУ, Новосибирск, 2007. 167 с.

Куперштох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 1999. 150 с.

Куперштох Н. А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2011. Вып. 1. 154 с.

Поповский М. Управляемая наука. Лондон, 1978. С. 123.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института. 1999. С. 72.

Шейндлин А. Е. Проблемы новой энергетики. М.: Наука, 2006. С. 362.

Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997. 351 p.

Josephson P. Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkley, 1991. 187 p.

Josephson P. Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today. New York, 1999. 237 p.

Josephson P. The Historical significance of Akademgorodok for basic science in the 21 century // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 3–7.

Статья поступила 17.10.2018.

Для цитирования: Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 172-192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-11-172-192.

Summary

Kuznetsov, I.S., *Doct. Sci. (History), Novosibirsk State University, Novosibirsk Novosibirsk Akademgorodok: 'Oasis of Liberty' or 'Relic of Stalinism'?*

Abstract. The author reviews a dramatic period of Soviet science through the story of Novosibirsk Akademgorodok. It is seen as an interaction between the scientific community and its governing structure including relations of power within science. The town of academic science created in Siberia fully embodied the positive potential of the existing social system of that period. This mostly refers to the maximum concentration of all available resources on top priority development. Along with that, the history of Akademgorodok vividly displayed many striking contradictions of 'state socialism' such as power dominance, hierarchy and bureaucracy.

Keywords: *Academy of sciences of USSR/ RAS; power; science; Novosibirsk Akademgorodok; Siberian branch of USSR AS/RAS*

References

Artemov, E.T. (1990). *Development of scientific network of AS of USSR in Siberia. 1944-1980.* Novosibirsk. Nauka Publ. P. 188. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2006). *Scientific-technical policy in the soviet model of late industrial modernization.* Moscow. РОССИЭН, 254 с. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2008). *Novosibirsk Akademgorodok and regional centers of SB RAN in the context of academic strategies and practices) end 1950-s – first decade of 2000);* Students' book. Novosibirsk: Novosibirsk State University. P. 184. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2012). *Science in the east of the USSR in industrial paradigm.* Novosibirsk: Academic publishing Geo. P. 346. (In Russ.).

Berg, R. L. (2003). *Sukhovoy. Reminiscences of a geneticist.* Moscow. Monuments to historical thought. P. 313. (In Russ.).

Bushgens, G.S. (2008). Edited by. *Academician S.A. Khristianovich*. Moscow. Nauka Publ. P. 439. (In Russ.).

Doroshenko, V., Korshever, I., Matisen, A. (2002). Novosibirsk scientific center: is there a strategic alternative? *Otechestvennye zapiski*. No. 2. P. 261. (In Russ.).

Institute of theoretical and applied mechanics: Years. People. Events. (2000). Novosibirsk: Published by SB RAN. 348 p. (In Russ.).

Josephson, P. (1997). *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton. 351 p. (In Russ.).

Josephson, P. (1991). *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkley, 1991. 187 p. (In Russ.).

Josephson, P. (1999). *Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*. New York. 237 p. (In Russ.).

Josephson, P. (2007). The Historical significance of Akademgorodok for basic science in the 21 century. *Humanitarian sciences in Siberia*. No. 2. Pp. 3–7. (In Russ.).

Kuperstokh, N.A. (1999). *The staff of academic science in Siberia (mid 1950-s – 1960-s)*. Novosibirsk: published by SB RAN, 150 p. (In Russ.).

Kuperstokh, N.A. (2011). *Sketches about leaders of academic science of Siberia*. Novosibirsk: Academic publishing 'Geo'. Iss. 1. 154 p. (In Russ.).

Kuznetsov, I.S. (2007). *The origins of Akademgorodok: building the city of science in Siberia (1957–1964)*. Monograph: NSU, Novosibirsk. 167 p. (In Russ.).

Popovsky, M. (1978). *Managed science*. London. P. 123. (In Russ.).

Russian academy of science. Siberian branch: Historical sketch. (2007). Novosibirsk. Nauka Publ. 510 p. (In Russ.).

Russian sociology of the 60-s in memoirs and documents. (1999), StPb: Published by Russian Christian humanitarian institute. P. 72. (In Russ.).

Sheindlin, A. E. (2006). *Problems of new power generation*. Moscow. Nauka Publ. P. 362. (In Russ.).

Vodichev, E.G. (1994). *Move to the east: Development of scientific potential of Siberia. Mid 50-s – 60-s*. Novosibirsk. Ecor Publ. P. 202. (In Russ.).

For citation: Kuznetsov, I.S. (2019). Novosibirsk Akademgorodok: Oasis of liberty' or 'Relic of Stalinism? *ECO*. No. 11. Pp. 172-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-172-192.